ИЗДАТЕЛЬСТВО грамота

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2026. Том 19. Выпуск 8 | 2026. Volume 19. Issue 8
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Интерпликатные финальные концепты в языковой картине мира (на материале русского и чувашского языков)

Борисова Л. В., Губанов А. Р., Исаев Ю. Н.

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному исследованию таких интерпликатных финальных концептов, как ЦЕЛЬ, УСЛОВИЕ, УСТУПКА. Цель работы – выявить особенности репрезентации концептов ЦЕЛЬ, УСЛОВИЕ, УСТУПКА в русской и чувашской языковых картинах мира. Научная новизна обусловлена тем, что в настоящей работе впервые определена динамика финальности как когнитивный интерфейс между субъектом познания и объективной реальностью, как маркер-структура восприятия субъектом каузально-следственных связей. В статье рассмотрено речевое планирование как динамический процесс, в котором говорящий учитывает внутренние и внешние условия, формирующие его коммуникативные цели, так как говорящий не свободен в выборе высказывания, он действует в поле многочисленных ограничений и сознательно строит путь к достижению своей цели, в связи с чем разнообразные смысловые модификации постоянно наблюдаются в его речи. В результате исследования установлено, что внешние и внутренние условия определяют коммуникативные цели говорящего и при невозможности их достижения происходит тактическое отступление – уступка. Интерпликатные концепты ЦЕЛЬ, УСЛОВИЕ, УСТУПКА являются неотъемлемым когнитивным инструментом для взаимодействия с объективным миром, позволяющим оперировать не только актуальными, но и потенциальными и альтернативными возможностями. Формы и типы репрезентантов соответствующих концептов в различных языковых картинах мира исторически и культурно обусловлены.

EN

Interplicate final concepts in the linguistic worldview (based on the Russian and Chuvash languages)

L. V. Borisova, A. R. Gubanov, Y. N. Isaev

Abstract. The article is devoted to a comparative study of such interplicate final concepts as PURPOSE, CONDITION, and CONCESSION. The purpose of the work is to identify the features of the representation of the concepts of PURPOSE, CONDITION, and CONCESSION in Russian and Chuvash linguistic worldviews. The scientific novelty of this work lies in the fact that it is the first to identify the dynamics of finality as a cognitive interface between the subject of cognition and objective reality, as a marker structure of the subject's perception of causal relationships. The article examines speech planning as a dynamic process in which the speaker takes into account internal and external conditions that shape their communicative goals. Since the speaker is not free to choose their utterance, they operate within a field of numerous constraints and consciously construct a path to achieve their goal, resulting in various semantic modifications in their speech. The study found that external and internal conditions determine the speaker's communicative goals, and if they cannot be achieved, a tactical retreat (concession) occurs. Interplicate concepts of PURPOSE, CONDITION, and CONCESSION are an integral cognitive tool for interacting with the objective world, allowing us to operate not only with actual, but also with potential and alternative possibilities. The forms and types of representatives of these concepts in different linguistic worldviews are historically and culturally conditioned.

Введение

В последние десятилетия когнитивная лингвистика внесла значительный вклад в понимание того, как язык не просто отражает действительность, но активно конструирует смысловые поля, категории и связи между концептами. Языковая система, как известно, выступает не только средством коммуникации, но и инструментом категориального мышления, через который индивид структурирует наблюдаемую реальность.

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20260390

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Актуальность настоящего исследования определяется чрезвычайной значимостью раскрытия сути интерпликатных отношений во взаимодействии концептов на современном этапе развития лингвистики, поскольку это помогает объяснить, как человек посредством языка конструирует связи между событиями, действиями и их последствиями и как интерпликатные финальные концепты формируют его представление о мире. Результаты проведенного исследования весьма важны для современной когнитивной лингвистики, поскольку позволяют раскрыть механизмы, при помощи которых язык моделирует человеческое мышление и категоризирует человеческий опыт. Репрезентанты исследуемых концептов ЦЕЛЬ, УСЛОВИЕ, УСТУПКА канонизируют мышление, предлагая готовые шаблоны для установления связей между событиями. Актуальность исследования подтверждается и тем, что роль цели в смысловой организации высказываний остаётся центральной благодаря её влиянию на интерпликатную семантику в рамках языковой картины мира. Результативность выступает ключевым фактором в конфигурации как с категориальными, так и с некатегориальными структурами, а целеполагание структурирует восприятие фактов объективного мира, временных планов, причинно-следственных и модальных оттенков в тексте и речи. Интерпликатные структуры выявляют, что смысл высказывания не сводится к сумме значений репрезентантов соответствующих концептов, а раскрывается через связи, отношения следствия. Настоящее исследование показывает, каким образом эти скрытые связи участвуют в формировании языковой картины мира этноса.

Цель предопределила постановку следующих задач: проанализировать онтологический и эпистемологический статус цели, условия, уступки, зоны пересечения и динамику трансформации этих интерпликатных финальных концептов; определить, как языковые средства выражения цели структурируют восприятие говорящим каузально-следственных связей в мире; показать, как взаимодействие этих концептов формирует сложные модели каузально-следственного и модального мышления и их репрезентацию в языковой картине мира.

Объектом исследования являются русская и чувашская языковые картины мира, предметом исследования – концепт ЦЕЛЬ во взаимосвязи с концептами УСЛОВИЕ, УСТУПКА и их языковые репрезентации, вербализация отношений каузальности, кондициональности, концессивности в разноструктурных языках.

Материалом исследования послужили данные толковых словарей русского и чувашского языков (Ашмарин, 1994-2000; Ожегов, 2012), а также картотека примеров, отобранных из национальных корпусов русского (НКРЯ) и чувашского (КЧЯ) языков.

Цель и задачи предопределили выбор методов исследования. При отборе фактического материала исследования применялись метод анализа словарных дефиниций и метод корпусного анализа. Для систематизации фактического материала использовался метод компонентного анализа. Метод концептуального анализа позволил выявить определенные закономерности в функционировании рассматриваемых концептов. Дистрибутивный анализ нашел применение при выявлении особенностей речевой реализации репрезентантов анализируемых концептов. Для выявления сходств и различий функционирования интерпликатных концептов в русской и чувашской языковых картинах мира использовался сопоставительный метод исследования.

Теоретической базой настоящего исследования является когнитивный подход к анализу языка и языковой картины мира, разрабатываемый такими российскими учеными, как Н. Н. Болдырев (2018), Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина (1996), З. Д. Попова и И. А. Стернин (2015).

Языковую картину мира мы, вслед за З. Д. Поповой и И. А. Стерниным, понимаем как часть общей концептуальной картины мира, «существующей в виде значений языковых единиц, образующих семантическое пространство языка» (2015, с. 12).

Научную основу данного исследования составляет и теория лексических концептов и когнитивных моделей британского лингвиста-когнитолога В. Эванс (Evans, 2009, p. 28). Лексический концепт она понимает как семантическую структуру языковых единиц, а когнитивную модель – как компонент концептуального значения, мыслительную единицу. Первый термин связан с языковым пространством, а второй – с ментальным. Языковые единицы, согласно В. Эванс (Evans, 2009, p. 50), обеспечивают доступ к единицам мыслительным.

При анализе концептов мы опираемся на подход Е. С. Кубряковой, по мнению которой «понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают … содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде некоторых квантов знания» (Кубрякова, Демьянков, Панкрац и др., 1996, с. 90).

Авторами учтен и подход Н. Н. Болдырева, который отмечает: «Концепты – это единицы концептуального содержания, выделяемые человеком в процессе познания с целью последующей их передачи в языковой форме или дальнейшего накопления, что предполагает их структурную организацию в процессе хранения» (2018, с. 24).

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что его результаты вносят вклад в общую теорию языковой картины мира, способствуя раскрытию механизмов взаимодействия языковой картины мира и мировоззрения этноса, менталитета. В современном быстро меняющемся мире анализ интерпликатных финальных концептов позволяет отследить сдвиги в ценностных ориентациях этноса, развивающихся с течением времени. Полученные результаты важны для дальнейшего развития общей теории языка, сопоставительного языкознания, теории коммуникации, а также для лингвопрагматики, теории дискурса, теории и практики преподавания языков. Разработанную авторами модель можно применять для анализа конфликтного дискурса, политических дебатов и переговоров, в цифровых коммуникациях. Результаты могут быть также применены в эпистемологии, философии науки, когнитивной лингвистике, межкультурной коммуникации, искусственном интеллекте (для моделирования человеческого рассуждения).

Результаты исследования интерпликатных финальных концептов имеют практическую значимость. Они могут найти применение в разработке рекомендаций по более эффективному построению межкультурной

коммуникации, поскольку данные концепты формируют подтекст, который не всегда бывает понятен представителю иной лингвокультуры. Этот подтекст легко исказить при переводе с одного языка на другой, результаты проведенного исследования могут быть использованы и в практике перевода с одного языка на другой.

Обсуждение и результаты

Современные подходы в когнитивной, сопоставительной лингвистике позволяют точно моделировать связи между концептами через сетевые конструкции, устанавливать, как в динамике они взаимодействуют с модальными значениями и контекстуальными условиями, поддерживают методологическую позицию использования конструкций как основного инструмента анализа языковой картины мира (Гришина, 2023; Antonova, Baranovskaya, Zakharova et al., 2022; Pager-McClymont, 2021; Zhu, 2023).

Концепт ЦЕЛЬ является одной из ключевых категорий, через которые язык кодирует мотивационные и экзистенциальные смыслы деятельности человека. Данный концепт как когнитивно-информационная и прагматическая единица отражает связь между мотивацией субъекта, структурой действия и нормами общества. Для данного концепта важны образы пути, времени, овладения объектом (ср. в русском *идти к цели*, *ближние и дальние цели*, *добиваться цели*, *попасть в цель*; соответственно в чувашском *тĕллев патне çывхар ‘приблизиться к цели’*, *çывăхри тата аякри тĕллев ‘ближняя и дальняя цель’*). Специфику данного концепта можно отразить в следующем толковании: X делает P, *потому что* хочет O.

Н. Д. Арутюнова справедливо отмечает: «Желание толкает человека на совершение естественных, циклически повторяющихся действий. Предмет еще не осознается как цель действия. Но способ получения объекта, если в нем возникает потребность, приближает к его интерпретации как цели» (Арутюнова, Рябцева, 1992, с. 54).

В русской и чувашской языковых картинах мира репрезентированы следующие реализации концепта ЦЕЛЬ:

1) конкретная цель, которая направлена на определенный результат или объект (например, *написать статью / статья çырасси*) – абстрактная цель, которая ориентирована на более общую ситуацию или состояние (например, *обеспечить благополучие населения / халăх ырлăхне тивĕçтересси*, *повысить качество жизни / пурнăç пахалăхне лайăхлатасси*);

2) личная цель, которая формулируется субъектом и отражает индивидуальные мотивации (например, *я хочу помочь / эпĕ пулăшасшăн*) – социальная (коллективная) цель, которая затрагивает группу людей или общественные правила (например, *поддержать членов команды / команда членĕсене пулăшасси)*;

3) эмотивная, при которой формулировка и выбор лексем выражают эмоциональную оценку (например, *помочь искренне / чунтан пулăш*) – нейтральная цель, для которой характерны минимальная эмоциональная окраска, формальная передача мотивации (например, *написать письмо / çыру çыр*);

4) прагматическая, которая ориентирована на результативность и эффективность (например, *сократить издержки / тăкаксене чакар*) – ценностная цель, которая связана с ценностями и идеалами говорящего (например, *защищать свободу слова / сăмах ирĕклĕхне упрамалла*).

Каждый язык по-своему кодирует цель, что позволяет лучше интерпретировать мотивы говорящего и предсказать реакцию собеседника. В русском языке цель может быть выражена:

1) гипотаксисными структурами с релятивами ***для того, чтобы / с тем, чтобы***: *Много было и таких, которые пришли на Сечь* ***с тем, чтобы*** *им хорошо жилось* (Гоголь Н. Тарас Бульба (НКРЯ)); в чувашском языке эквивалентами выступают полипредикативные конструкции (ППК) с компонентами ***пул, те***: – *Çакăн пек çисех кĕр тĕлне тутă* ***пулăпăр теме*** *çук*. (Емельянов А. *Хура кăрăç* / Чёрные грузди (КЧЯ)) / *Нельзя сказать, чтобы мы поправились к осени на таком рационе*;

2) нетаксисной структурой, где целевые синтаксемы представляют собой препозитивное имя: а) в русском языке модели ***для + N2***, ***на + N4 , N2, за (с) + N5, к + N3***, в чувашском языке ***N3, N4***; ***инфинитив на -ма/-ме + -лăх/-лĕх***: *Признаться, я частию* ***для развлечения*** *занялся этим* (Лермонтов М. Герой нашего времени (НКРЯ)). / *Тӳррипе каласан, эпĕ* ***шухăшăма йăпатасшăн*** *кăна тытăнтăм çав ĕçе*; б) вариант инфинитива на ***-ма/-ме + -лăх/-лĕх:*** *Позволь мне, пожалуйста,* ***послать за доктором*** (Куприн А. Гранатовый браслет (НКРЯ)). / *Ирĕк парсам мана, тархасшăн,* ***тухтăр патне яма***.

Концепт ЦЕЛЬ тесно переплетается с репрезентатами объективного мира через фактивные конструкции, валентности предикатов и актов говорения по отношению к реальности, финальность цели изменяет восприятие объективного мира, часто отображается конфликт между намерением и реальностью. Так, современные обзоры подчеркивают роль фактивности и целей как механизмов, через которые говорящий маркирует отношение к фактам и к тому, как они воспринимаются в дискурсе, в этом механизме финальность выступает как фактор усиления или смягчения восприятия фактов и их интерпретации, одна и та же финальность может внутри текста функционировать как ориентир на реальность или как средство оценки её достоверности, т. е. финальная цель формирует восприятие объективной реальности и как эта реальность, в свою очередь, пересматривает само понятие цели (Чжоу Чжолинь, 2024, с. 57-78; Гришина, 2024, с. 11-19).

Целеполагание взаимодействует с реальностью объективного мира через фактивность и валентность репрезентантов финальности, на основе чего формулируются и уточняются концептуальные рамки взаимодействия финальности и объективного мира. Влияние целей на перцептивные и когнитивные процессы:

а) целью является доказательство факта: *Мы намерены подтвердить вывод….* (из разговора). / *Пĕтĕмлетĕве çирĕплетме шутлатпăр…*;

б) столкновение целеполагания героя с объективной реальностью (социальными условиями, законами, последствиями поступка). Финальная цель (самоутверждение, признание) подстраивается под границы мира: *Я думал, как бы мне добраться до правды, и вдруг понял, что правда – не только в моей цели, но и в реальности окружающего мира* (Достоевский Ф. Преступление и наказание (НКРЯ)). / *Эпĕ чăнлăх патне мĕнле çитме пултарасси пирки шухăшлаттăм та, сасартăк чăнлăх манăн тĕллевре кăна мар, таврари тĕнче чăнлăхĕнче те пулнине ăнланса илтĕм*;

в) сочетание финальности цели с сюрреалистическим объективным миром (магический реализм) позволяет обсуждать границу между желаемым результатом и феноменами, выходящими за пределы рационального мира: *Не всё в мире подчиняется человеку; иногда цель сталкивается с невыразимой силой внешнего мира* (Булгаков М. Мастер и Маргарита (НКРЯ)). / *Тĕнчере пурте этем аллинче мар; хăш чухне тĕллев тулашри тĕнчен каласа пама çук вăйĕ çине пырса перĕнет*;

г) цель может быть иллюзией, когда объективный мир (социальные нормы, мораль) препятствует реализации плана; что позволяет рассмотреть тему этики и реализма: *Цель Чичикова – восстановить утраченный порядок вещей через купли-продажи душ; однако реальный мир держит его в плену бюрократии и морали* (Гоголь Н. Мертвые души (НКРЯ)). / *Чичиковăн тĕллевĕ – чунсене сутăн илсе çухалнă йĕркене тавăрасси; анчах та чăнчăн тĕнче ăна бюрократипе мораль тытăнĕнче тытать*;

д) личная цель сталкивается с социальными и естественными ограничениями, превращая финальную цель в тест устойчивости героя и его окружения: *Каждый стремится к своей цели, но мир всегда поможет ей проверить свою устойчивость* (Толстой Л. Война и мир (НКРЯ)). / *Кашниех хăйĕн тĕллевĕ патне ăнтăлать, анчах та тĕнче вĕсене яланах хăйсен çирĕплĕхне тĕрĕслеме пулăшĕ*;

е) финальность и поиск смысла формируют восприятие объективного мира и времени; что позволяет обсудить нарративные техники, через которые автор показывает столкновение идеала и реальности: *Цель героя – понимание смысла жизни – часто сталкивается с суровой реальностью общества и судьбы* (Пушкин А. Повести Белкина (НКРЯ)). / *Геройăн тĕллевĕ – пурнăç пĕлтерĕшне ăнланса илесси – час-часах обществăн хаяр чăнлăхĕпе, шăпапа çапăнать*;

ж) социально-политический контекст (объективный мир) формирует целеполагание персонажей и их мотивацию: *Стратегия цели против реальности жизни – постоянный конфликт между мечтой и повседневностью; мир не всегда предоставляет нужные ресурсы* (Некрасов Н. Повесть о бедном Климе (НКРЯ)). / *Тĕллевсен стратегийĕ пурнăç чăнлăхĕпе танлаштарсан – ĕмĕтсемпе кулленхи пурнăç хушшинчи яланхи хирĕçӳ; тĕнче яланах кирлĕ ресурссемпе тивĕçтермест*.

Для выражения интерпликатного смысла в русском языке используются следующие модели:

- *за N4* (ср.: *Две бригады соревновались **за** выполнение плана* (Шолохов М. Поднятая целина (НКРЯ)). / *Плана пурнăçлас тесе икĕ бригада тупăшрĕ*);
- *за N5* (ср.: *Макар погнался **за** дерзким мальчишкой.* / *Макар çав усал ача хыççăн хăваласа кайрĕ* (Иванов-Паймен. *Кĕпер* / Мост (КЧЯ)));
- *против N2* (ср.: *Они боролись **против** социальной **несправедливости**.* / *Вĕсем социаллă тĕрĕсмарлăха хирĕç кĕрешнĕ* (Иванов-Паймен. *Кĕпер* / Мост (КЧЯ))).

В чувашском языке находят применение модели, включающие в свой состав следующие компоненты:

- отрицательные частицы ***ан*/*мар*** (ср.: *Я **хочу, чтоб вам не было скучно**, чтоб вы были здесь как дома, чтоб вам было ловко, свободно, легко и чтоб вы **не уехали... лежать*** (Гончаров И. Обломов (НКРЯ)). / *Эпĕ сире **кичем ан пултăр** тетĕп, кунта эсир килти пекех пулăр, сире кунта çăмăл та ирĕк пултăр, эсир кунтан... **çывăрма ан кайăр**, тетĕп*);
- предикат ***тесе*** (ср.: *Делать было нечего: бородачу **пришлось согласиться**, **чтобы** еще больше не разозлить товарищей.* / *Ним тума та çукчĕ: сухалläскерĕн **килĕшме тиврĕ**, юлташĕсене ытларах уртарас **мар тесе*** (Кибек М. *Паттăрсем хыпарсăр çухалмаççĕ* / Герои без вести не пропадают (КЧЯ)));
- инфинитив на ***-ма*/*-ме*** + предикат (ср.: *Я пришел **за инструкциями*** (Тургенев И. Отцы и дети (НКРЯ)). / *Эпĕ **инструкци илме** килтĕм*);
- падежные формы причастий (ср.: *Франкфуртцы ездят туда больше **для развлечения**, так как Соден обладает прекрасным парком и разными «виртшафтами», где можно пить пиво и кофе в тени высоких лип и кленов* (Тургенев И. Вешние воды (НКРЯ)). / *Соденра пите чаплă паркпа тĕрлĕрен «виртшафтсем» пур, кунта вара çуллĕ çăкасемпе вĕренесен сулхăнĕнче сăрапа кофе ĕçме пулать; çавăнпа Франкфурт çыннисем унта пуринчен ытларах **канса, савăнса çӳреме** каяççĕ*).

В языковой картине мира цель и пространство/локальность выступают как базовые ориентиры: локальность и пространственные аспекты становятся всё более важны для анализа того, как цель встроена в маршруты, местоположения и географические/культурные локусы. В этом контексте цель формирует направленность высказывания и ожидаемое финальное состояние, тогда как пространство задаёт локацию, контекст и ориентацию действия. Базовое взаимодействие целей и пространства встречается во множестве языков как когнитивная стратегия. Современные исследования показывают, что локальные контексты и маршруты модифицируют выражение цели через пространственные локативы (Шмелева, 2021, с. 190-195; Болдырев, 2004. с. 18-21).

Фактографический материал сопоставляемых языков показывает, как финальность влияет на локальность: а) исходя из локальных целей (в реальности многие цели реализуются не глобально, а локально, например, цель «*добраться до зоны X*» реализуется через последовательные локальные подцели (перемещения

к ближайшему ориентиру)), локальность ограничивает доступные варианты и ускоряет принятие решений; б) действие принципа локальности финальности: поиск целевого состояния часто строится через локальные приближения к цели, используя соседей по пространству (это приводит к траекториям, которые оптимизируют локальную стоимость и общий путь к цели); в) финальность как ограничение пространства (знание целевого статуса может ограничить автоматически множество траекторий, которые не ведут к цели: это уменьшает размер пространства вариантов и фокусирует поиск).

Исходя из вышеотмеченных положений рассматриваемой интерпликатности, можно выделить следующие уровни цели и локальности:

1) цель – *«с целью продвижения»*; пространство – *«в регионе X»* (*Мы подали заявку с целью продвижения проекта в регионе X. / X регионта проект пропагандăлас тесе заявка тăратрăмăр*);

2) пространство без явной цели: пространство – «*в этом городе*»; цель – опущена для иллюстрации различий (*В этом городе реализуется проект в рамках регионального плана. / Регион планĕпе çак хулара проект пурнăçланать*);

3) целеполагание через географию маршрутов к цели и локальных контекстов («*путь к цели*» – *тĕллев патне çул* (пространственная метафора): «*маршрут к месту достижения*» – *çитес çĕре çул* (локативы, направление); «*мои маршруты к успеху*» – *ăнăçу патне илсе пыракан çулсем*).

Концептуальные поля цели и пространства формируют предикативные рамки, в которых действуют маркеры финальности и пространственных отношений. Отметим наиболее продуктивные в русском языке репрезентанты данных интерпликатных моделей:

а) *на N3/N4* (*Их послали* ***на охрану*** *железнодорожного моста. / Вĕсене чукун çул* ***хуралне*** *тăратнă* (Иванов-Паймен. *Кĕпер* / Мост (КЧЯ)));

б) *в N3/N4* (***В трактир*** *пойдешь? – заботливо и задумчиво спросил ее старик* (Горький М. Мать (НКРЯ)). / ***Трактира*** *пыратăн-и? – шухăша кайса кăмăллăн ыйтрĕ унран* старик);

в) *по N3/N4* (***По делу*** *пришла к тебе, Трашук пичче. / Ĕçпе килтĕм сан пата, Трашук пичче* (Иванов-Паймен. *Кĕпер* / Мост (КЧЯ)));

г) *к N3* (*Быстрее собирайтесь и поезжайте* ***к венцу****», – сказал отец.* (Пушкин А. Капитанская дочка (НКРЯ)). / *«Часрах пуçтарăнăр та* ***венчете*** *кайăр», – терĕ ашшĕ*).

В языковой картине мира в динамике рассматриваемых концептов, как показывает практический материал сопоставляемых языков, концепт «образ действия» выступает как рабочая единица движения к цели: выбор конкретного образа действия определяет траекторию по пространству состояний и влияет на скорость и ресурсы: локальные паттерны влияют на быстроту приближения к цели, но возможны глобальные компромиссы между скоростью и устойчивостью к помехам, ибо по мере приближения к цели агент может менять образ действия (переключение с тактик на стратегию; переход к более общим планам).

На основе разделения образов действия на такие уровни, как микролокальные действия (шаги в ближайшей области) и макрообраз действий (планирование остерегаться препятствий на карте или переключение областей), можно выделить следующие типы взаимодействия интересующих нас концептов:

1) более конкретная фокусировка целевой финальности усиливает связку с конкретным образом действия, повышая точность выполнения (зависимое событие указывает на цель сознательного активного действия, выраженного главным событием этой ситуации, и на образ этого действия при наличии указания на образ действия). Например: *Тебе надо либо на косогоре плясать, либо* ***так, чтобы одна нога, какая длиннее, была в ямке, а другая наружу*** (Шолохов М. Тихий Дон (НКРЯ)). / *Сан е сĕвек çĕрте, е* ***вăрăмрах урупа шăтăкра, тепринпе çӳллĕрех вырăнта тăрса ташлас пулать***;

2) связь между целью и поступками при наличии ясного образа действия проявляется более прозрачно во временной динамике планирования. Например: *Редко судьба сталкивала его с женщиною в обществе* ***до такой степени, чтобы он мог вспыхнуть на несколько дней и почесть себя влюбленным*** (Гончаров И. Обломов (НКРЯ)). / *Сайра хутра çеç вăл* ***темиçе кун хушши юратса пăрахрăм тесе шутличчен килĕштерекен*** *хĕрарăм тĕл пулкаланă*.

В сфере соответствующих интерпликатных смыслов частотны следующие модели:

- *на + N4* (*Я забрал фотографию* ***на память*** (Куприн А. Гранатовый браслет (НКРЯ)). / *Эпĕ унăн сăн ӳкерчĕкне* ***асăнмалăх*** *илсе кайрăм*);

- *в + N4* (*На другой день он тотчас отправил нарочного, и просил простить его за сказанное* ***в шутке*** (Лермонтов М. Герой нашего времени (НКРЯ)). / *Вăл* ***шӳтлесе каланă*** *сăмахшăн каçару ыйтрĕ*);

- *для + N2* (*Я решился предоставить все его «выгоды» для смеху* (Лермонтов М. Герой нашего времени (НКРЯ)). / *Эпĕ ăна çын çинче кăштах тăрăхласа илес терĕм*);

- *ради + N2* (***Ради солнышка*** *он и поставил дом на пригорке. / Çак* ***хĕвел çутишĕнех*** *çуртне кансĕр вырăна хăпартса лартрĕ ĕнтĕ Сахар* (Иванов-Паймен В. *Кĕпер* / Мост (КЧЯ))).

По составу конструкций и по их продуктивности данные языковые единицы в русском и чувашском языках относятся к малопродуктивным.

В чувашском языке компонент *так*, использующийся для выражения образа действия, передается словами *пек, çавăн пек, çавнашкал*. Сравните: *Ты не беспокой меня, а там, как хочешь,* ***так и распорядись, только чтоб не переезжать*** (Гончаров И. Обломов (НКРЯ)). / *Эсĕ мана ан чăрмантар, унта вара мĕнле пĕлетĕн,* ***çапла ту, анчах куçса каймалла ан пултăр***.

В некоторых случаях значение образа действия передается в чувашском языке аффиксом *-иччен: Щипай его, сукина сына,* ***так, чтобы он соленым потом взмок от головы до пяток*** (Шолохов М. Тихий Дон (НКРЯ)). */ Ăна, йыт çурине,* ***питрен пуçласа ура тупанне çитиччен тăварлă тарпа йĕпениччен чĕнĕт***.

В динамике концептов финальности и атрибутивности концепт атрибутивности проявляется как совокупность признаков, характеристик и свойств, которыми обладает целевое состояние, т. е. целеполагание конструируется через требуемые атрибуты (например, «*достижение зоны X за минимальное время при отсутствии риска*») и разное сочетание атрибутов может порождать разные финальные точки или план.

В анализируемых языковых картинах мира выделяются 2 типа ситуаций, где финальность заключается в достижении цели с соблюдением атрибутов. Атрибуты отражают требования к устойчивости, надёжности, соответствию регламентам:

1) финальность усиливает атрибутивность через механизм целенаправленного коэффициента (*В груди ее повелительно разгоралось* ***желание говорить*** *людям о правде сына, ей хотелось слышать, что скажут люди против этой правды, хотелось по их словам догадаться о решении суда* (Горький М. Мать (НКРЯ)). */ Ун кăкăрĕнче çынсене ывăлĕн чăнлăхĕ çинчен* ***каласа парас*** *кăмăл вăйлăн çулăмланса хăпарчĕ, çынсем çав чăнлăха хирĕç мĕн каланине илтес, вĕсен сăмахĕсем тăрăх суд мĕнле йышăну тăвассине пĕлес килчĕ*);

2) контекстуальная финальность модульно регулирует доступность атрибутивных характеристик у объектов и действий (*Жизнь ваша станет* ***жизнью из-за куска хлеба, для детей, для квартиры, для дела*** *– вас больше нет* (Горький М. Мать (НКРЯ)). */ Сирĕн пурнăç çăкăр татăкĕшĕн, ачасемшĕн, хваттершĕн иртсе пыма тытăнать, çак ĕçре эсир урăх пулаймастăр*).

В русском языке данный интерпликатный смысл передается таксисными (а), нетаксисными (б) структурами, а также конструкциями с зависимым таксисом (в):

а) *Давайте голоснем, если большинство будет согласно, то и примем сейчас такое* **же *решение, чтобы из-за этого вопроса не созывать нам лишний раз еще одно собрание*** (Шолохов М. Тихий Дон (НКРЯ)). */* ***Тепĕр хут пуçтарăнмалла ан пултăр тесе****, çак ыйтăва пурте пĕр сасăллă пулса айтăр-ха* ***татса парăр***.

б) *Немцы окружили их, и, когда двенадцать сотен, одна за другой, устремились в атаку* ***с целью прорвать*** *сомкнувшееся вражеское кольцо, Григорий увидел, как Степан спрыгнул с убитого под ним вороного коня и закружился волчком* (Шолохов М. Тихий Дон (НКРЯ)). */ Нимĕçсем вĕсене йĕри-тавра хупăрласа илнĕ те тĕрлĕ енчен хĕссе пыраççĕ. Тăшман ункинчен* ***çăлăнса тухас тесе****, атакăна вун икĕ сотньй умлăн-хыçлăн ыткăнса кĕрет. Çав вăхăтра асăрхаса илет те Григорий хăйĕн вилнĕ хура учĕ çинчен сиксе анса пĕр вырăнта кăлтăрмач пек çаврăнма тытăннă Çтаппана*.

в) *Где, по сведениям разведки, сосредотачивались красноармейские пехотинские* ***полки, в свою очередь готовившиеся наступать на Каршинскую*** (Шолохов М. Тихий Дон (НКРЯ)). */ Разведка пĕлтернĕ тăрăх,* ***унта Каршински çинелле тапăнса килме хатĕрленекен хĕрлĕармеецсен çуран полкĕсем*** *пуçтарăнса тăнă иккен*.

Как видно из примеров, в чувашском языке рассматриваемый интерпликатный смысл передается сложной конструкцией с препозитивной зависимой частью, которая оформляется союзом ***тесе***, а в простых предложениях в передаче участвуют послелоги, причастные и деепричастные формы.

В когнитивной лингвистике концепт ЦЕЛЬ связывается с мотивацией действий и итогами, в то время как каузальные маркеры формируют рамку причинно-следственных связей и контекстуальных ограничений, используя такие механизмы каузальности, как причинные связи между действием и изменением состояния, между условиями среды и доступными действиями, между достижением подцелей и глобальной финальностью, в итоге усиливают или ослабляют выраженность каузальных связей в высказываниях.

В русской и чувашской языковых картинах мира различаются два класса ситуаций:

1) определённые цели могут быть достижимы только через специфические каузальные цепи (без понимания этих цепей задача становится неустойчивой) – каузальные ограничения целей. Например: *Я едва удержался от того, чтобы не крикнуть, но, кажется, побледнел* (Куприн А. Гранатовый браслет (НКРЯ)). */ Эпĕ чутах кăшкăрса ямарăм, анчах шуралса кайрăм пулас*;

2) агент может выбирать действия, направленные на открытие благоприятных причинно-следственных путей (например, устранение препятствий, изменение условий среды) – контроль над причинными путями: *Пункт первый (Евпсихий Африканович загнул толстый, волосатый указательный палец на левой руке): «Урядник имеет неослабное наблюдение, чтобы все ходили в храм божий с усердием, пребывая, однако, в оном без усилия...»* (Куприн А. Олеся (НКРЯ)). */ Пĕрремĕш пункт (Евпсихий Африканович сулахай аллин хулăн та çăмламас шĕвĕр пўрнине хуçлатрĕ): «Уретникĕн, пурте чиркĕве çўретчĕр тесе, çине тăрсах сăнаса тăмалла, çав вăхăтрах Турă çуртне пурин те хăйсен ирĕкĕпе çўремелле...»*.

Репрезентанты соответствующего интерпликатного концепта в русском языке маркируются таксисными структурами с релятивом *чтобы*: *Григорий прикрыл ладонью рот,* ***чтобы*** *спрятать улыбку* (Шолохов М. Тихий Дон (НКРЯ)). */ Григорий, куллине пытарас* ***тесе,*** *çăварне аллипе хупласа тытрĕ*.

В чувашском языке данный интерпликатный смысл представлен следующими моделями:

- сложной конструкцией с союзом ***тесе***: *Дружно будем пахать землю для новой жизни и боронить ее, землю, будем,* ***чтобы*** *весь старый сорняк, врагов наших, выкинуть с пахоты* (Шолохов М. Поднятая целина (НКРЯ)). */ Çĕнĕ пурнăçшăн пурте кар тăрса сухалăпăр, пĕтĕм кив çумкурăка – хамăр тăшмансене – суха пуссинчен тасатас* ***тесе****, ăна, çĕре, пĕрле сўрелесе кăпкалатăпăр*;

- полипредикативными конструкциями с основным компонентом: деепричастием на ***-са, -се****: Он послал двух вестовых в хутор с приказом,* ***чтобы*** *все взрослое население хутора вышло на бугор, вооружившись вилами,*

кольями, косами (Шолохов М. Тихий Дон (НКРЯ)). / *Вăл хуторта çитĕнсе çитнĕ мĕнпур çынсене сенĕксем, шалчасемпе çавасем йăтса сăрт тĕмески çине тухма* ***хушса,*** *икĕ казака янăччĕ*;

- инфинитивом на ***-ма (-ме), -машкăн (-мешкĕн***): *А зараз вроде загноилась рана, он и переказал мне с хуторными,* ***чтобы коня ему привела*** (Шолохов М. Тихий Дон (НКРЯ)). / *Унăн ури аманнă та, халь суранĕ шыçса пӳрленнĕ тет-и, хутор çыннисенчен* ***лашине пырса пама*** *каласа янă*.

Совмещение причинного и целевого смыслов на уровне нетаксисной структуры маркируется следующими моделями:

а) *для + N2* (*Он сказал* ***для приличия*** *и вышел* (Достоевский Ф. Преступление и наказание (НКРЯ)). / *Вăл* ***ячĕшĕн*** *каларĕ те тухрĕ*);

б) *по + N3* (*Послан* ***по делу*** *первостепенной важности* (Гончаров И. Обломов (НКРЯ)). / *Чи кирлĕ* ***ĕç пирки*** *янă*);

в) *в + N6* (*Они шли* ***в поисках*** съестного (Горький М. Мать (НКРЯ)). / *Вĕсем çимелли* ***шыраса*** *пынă*);

г) *с + N5* (*Он быстро подошел к краю берега речки и крикнул* ***с намерением*** *помочь ему* (Тургенев И. Рудин (НКРЯ)). / *Вăл çыран хĕррине хăвăрттăн утса пычĕ те ăна пулăшас* ***шутпа*** *кăшкăрчĕ*);

д) *ради + N2* (***Ради успеха*** *дела иногда приводится не спать ночами* (Тургенев И. Накануне (НКРЯ)). / *Ĕçри* ***çитĕнӳсемшĕн*** *хăш чухне çĕрĕпе те çывăраймастăн*);

е) *из-за + N2* (*Современная молодежь хочет работать только* ***из-за денег*** (Толстой Л. Воскресение (НКРЯ)). / *Хальхи çамрăксем* ***укçашăн*** *анчах ĕçлесшĕн*);

ё) *из + N2* (*Ребенок грубил* ***из желания*** *противоречить* (Толстой Л. Детство (НКРЯ)). / *Ача хирĕçлес* ***килнĕрен*** *тӳрккес пулчĕ*);

ж) *на + N4* (*Караван остановился* ***на ночлег*** *возле колодца* (Толстой Л. Хаджи-Мурат (НКРЯ)). / *Караван* ***çĕр каçма*** *çăл патне чарăнчĕ*);

з) *за + N5* (*Я к тебе пришел* ***за советом*** (Гончаров И. Обломов (НКРЯ)). / *Эпĕ сан патна* ***канаш ыйтма*** *килтĕм*).

Концепты ЦЕЛЬ и УСЛОВИЕ образуют базовые опоры языковой картины мира: первый задаёт направление действия и финальный ориентир (намерение, итог, мотивация, редуцированное представление финального состояния), второй – условия реализации этого направления (необходимое или возможное разумение условий реализации действия, включая контекстные зависимости, предпосылки и условные связи, и взаимодействие этих концептов устанавливает стабильные паттерны смыслообразования, которые могут варьироваться в зависимости от языковой структуры).

В русской и чувашской языковых картинах мира выявляются специфические когнитивно-лингвистические структуры (концепт ЦЕЛЬ интерпретируется как интенциональная направленность субъекта на завершение действия или достижение определенного результата, в то время как концепт УСЛОВИЕ детерминирует совокупность факторов, необходимых для реализации данного действия):

а) базовое взаимодействие целей и условий встречается в русской и чувашской языковых системах как общая когнитивная стратегия конструирования смысла финальности (принцип универсальности): *Если желательно, чтобы опыт протекал хорошо, работать следует тоже хорошо* (Ажаев В. Далеко от Москвы (НКРЯ)). / *Опыт лайăх ирттĕр тесен, ĕçлессе те лайăх ĕçлемелле* (главная часть, входящая в состав этого смысла, указывает на активность, сознательное действие со стороны субъекта, а зависимая часть содержит информацию о цели и условии этого действия));

б) маркеры цели систематически сочетаются с маркерами условия в близком контексте; условие усиливает финальное значение высказывания (принцип координации): *Мы ставим задачу увеличить выпуск продукции, чтобы обеспечить устойчивость бизнеса* (Шевелев А. Интервью (НКРЯ)). / *Пирĕн тĕллев – бизнес çирĕплĕхне тивĕçтерес тĕллевпе производствăна ӳстересси* (условия экспорта сохраняются, если соответствуют стандартам; маркер цели – «*для повышения / чтобы обеспечить*»; маркер условия – «*если / при условии*»)); *Если материалы не проходят проверки, проект будет остановлен* (Шевелев А. Интервью (НКРЯ)). / *Материалсем тĕрĕслев витĕр тухмасан проекта чарса лартĕç* (условие без явной цели, но с кондициональностью; маркер условия – «если»; маркер цели отсутствует)).

В языковой картине мира концепты ЦЕЛЬ и УСТУПКА выступают важными когнитивными контурами, определяющими смысловую координацию высказывания и мотивацию действия. Современная лингвистическая парадигма подчеркивает, что финальность и условность не существуют изолированно, а образуют взаимодополняющую систему в языковой картине мира. Уступка модулирует финальный смысл высказывания (цель как мотив действия, а концессивность усиливает устойчивость цели перед препятствием, т. е. уступка влияет на восприятие цели в контекстах противостояния препятствующим условиям. Приведем примеры:

а) наличие финальной цели усиливает или ослабляет восприятие концессивного смысла: *Я жить хочу и жить буду: трудной доли не боюсь* (Пушкин А. Дубровский (НКРЯ)). / *Эпĕ пурăнасшăн, пурăнатăп та – эпĕ йывăрлăхран хăрамастăп* (сильная целевая направленность лица на жить и действовать; концессивный оттенок возникает как условие преодоления трудностей, усиливая напряжение между целью и препятствиями));

б) концессивные маркеры изменяют интерпретацию цели как финальной по отношению к исходу действия, восприятие цели как финальной: *Стремлюсь к истине; если путь жесток, ищу иной* (Достоевский Ф. Братья Карамазовы (НКРЯ)). / *Эпĕ чăнлăхшăн тăрăшатăп; çулĕ хаяр пулсан, урăххине шыратăп* (цель не абсолютна, а формируется в рамках конфликта и сомнений)); *Сохранить дом – моя цель; если придётся уйти – уйдём* (Чехов А. Дом с мезонином (НКРЯ)). / *Çурта çăлса хăварасси – манăн тĕллев; пирĕн тухса каймалла пулсан, эпир каятпăр* (финальная цель воспринимается как контекстуальная и подверженная уступкам, что влияет на восприятие концессивности).

Модальность выступает как ключевой механизм модуляции выражения цели: необходимость, вероятность, разрешение и другие модальные оттенки оказывают влияние на восприятие целеполагания в тексте и речи, модальность управляет степенью обязательности и вероятности достижения цели. Современные работы в области концептуальной лингвистики показывают, как модальность интегрируется в целеполагание через стратегии оценки и прагматические оттенки, влияющие на интерпретацию смысла и на коммуникативную направленность высказывания (Гришина, Аванесян, Макарова и др., 2023, с. 6-25). Вклад таких работ состоит в том, что модальность не только усиливает или ослабляет целеполагание, но и служит инвариантом для межрегистровых различий в выражении целей и финальности, а также оценочного характера высказываний (Гришина, 2024, с. 11-19). Современные подходы включают анализ модальных глагольных форм, а также сопоставление между языками и жанрами, чтобы показать, как модальность поддерживает или изменяет восприятие цели в различных контекстах (Мордашова, 2023, с. 29-55).

Приведем примеры, подтверждающие, что модальность не просто оттенок, а инструмент конституирования силы целеполагания, регистры различаются по способу выражения модальности:

а) «необходимо достичь» (нужда/обязательность): Необходимо усиленно присматривать за казаками, сообщая о всякой замеченной перемене в их настроении командиру сотни (Шолохов М. Тихий Дон (НКРЯ)). / Казаксене тимлён сăнаса тăмалла, вёсен кăмăлё улшăннине эскадрилья командирне пёлтермелле;

б) «вероятно, мы достигнем цели» (вероятность): Мы, вероятно, достигнем поставленной цели (Тургенев И. Накануне (НКРЯ)). / Палăртнă тёллеве пурнăçлатпăр пулё.

Интерпликатные финальные концепты моделируют фундаментальную человеческую способность размышлять о гипотетических ситуациях и предполагать альтернативные сценарии, они являются универсальными, категориально нередуцируемыми и структурно необходимыми составляющими любой формальной модели знаний, претендующей на полноту. Такая когнитивная базовая природа оправдывает включение финальных концептов в онтологию верхнего уровня наравне с другими фундаментальными когнитивными категориями, и построение онтологий, в том числе верхнего уровня для кондициональности, является важной задачей автоматической обработки текстов для структурирования и верификации данных.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Интерпликатные финальные концепты ЦЕЛЬ, УСЛОВИЕ, УСТУПКА моделируют фундаментальную человеческую способность размышлять о гипотетических ситуациях и предполагать альтернативные сценарии, они являются универсальными, категориально нередуцируемыми и структурно необходимыми составляющими любой формальной модели знаний, претендующей на полноту. Такая когнитивная базовая природа оправдывает включение финальных концептов ЦЕЛЬ, УСЛОВИЕ, УСТУПКА в онтологию верхнего уровня, исключительно важную для автоматической обработки текстов, для структурирования и верификации данных.

2. Материалы сопоставляемых языков демонстрируют, что в рамках соответствующей динамики концептов каузальности в достижении той или иной цели присущи особенности, связанные с тем, как условия влияют на финальность. Репрезентанты соответствующего интерпликатного смысла в русском языке маркируются таксисными структурами с релятивом *чтобы*, частотны в русском языке и следующие модели: *за N4; за N5; против N2* и некоторые другие. В чувашском языке частотны модели, включающие в свой состав отрицательные частицы *ан/мар*, предикат *тесе*, инфинитив на *-ма/-ме* + предикат, падежные формы причастий.

3. Концепты ЦЕЛЬ, УСЛОВИЕ, УСТУПКА образуют базовые опоры языковой картины мира, представляя собой взаимодополняющую систему: первый задаёт направление действия и финальный ориентир (редуцированное представление финального состояния), второй – условия реализации этого направления, третий усиливает устойчивость цели в контекстах противостояния препятствующим условиям. Концепт ЦЕЛЬ интерпретируется как интенциональная направленность субъекта на завершение действия или достижение определенного результата, в то время как концепт УСЛОВИЕ детерминирует совокупность факторов, необходимых для реализации данного действия, а концепт УСТУПКА объединяет тактики, позволяющие противостоять препятствующим условиям. Внешние и внутренние условия определяют цели, и при невозможности их достижения происходит тактическое отступление – уступка. Интерпликатные концепты ЦЕЛЬ, УСЛОВИЕ, УСТУПКА являются неотъемлемым когнитивным инструментом для взаимодействия с объективным миром, позволяющим оперировать не только актуальными, но и потенциальными и альтернативными возможностями.

Для дальнейших исследований целесообразно сочетать корпусные данные с семантико-синтаксическим анализом, расширяя сопоставления языков: это позволит глубже понять, как целеполагание структурирует языковую картину мира в конкретных контекстах.

Материалы исследования | Research materials

1. Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка [Репринт]. Чебоксары: Руссика, 1994-2000. Вып. I-XVIII.
2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. 28-е изд., перераб. / под ред. Л. И. Скворцова. М.: Мир и Образование: ОНИКС, 2012.
3. КЧЯ – Корпус чувашского языка. https://ru.corpus.chv.su
4. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. https://ruscorpora.ru

Источники | References

1. Арутюнова Н. Д., Рябцева Н. К. Логический анализ языка. Модели действия. М.: Наука, 1992.
2. Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1.
3. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка = Language and the system of knowledge: a cognitive theory of language. М.: Издательский дом ЯСК, 2018.
4. Гришина Н. В. Целевая регуляция поведения человека // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13. № 3. https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.302
5. Гришина Н. В. Целевые детерминанты как фактор интеграции человека с окружающим миром // Национальный психологический журнал. 2024. Т. 19. № 3. https://doi.org/10.11621/npj.2024.0301
6. Гришина Н. В., Аванесян М. О., Макарова М. В., Мамаева-Найз В. Д. Контекстуальный характер жизненных целей: ситуационные и индивидуально-психологические детерминанты целеполагания // Российский психологический журнал. 2023. Т. 20. № 3. https://doi.org/10.21702/rpj.2023.3.1
7. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996.
8. Мордашова Д. Д. Структура семантической области модальности в русском языке: моделирование системных связей между конструкциями (на материалах «Русского конструктикона») // Вопросы языкознания. 2023. № 2. https://doi.org/10.31857/0373-658X.2023.2.29-55
9. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. Изд-е 4-е, стер. М. – Берлин: Директ-Медиа, 2015.
10. Чжоу Чжолинь. Жизненные цели как смыслообразующий фактор жизни представителей русской и китайской культур // Новые психологические исследования. 2024. Т. 4. № 1.
11. Шмелева Т. С. Пространственные отношения в языке с точки зрения современной когнитивистики // Современные исследования социальных проблем. 2021. Т. 13. № 2. https://doi.org/10.12731/2077-1770-2021-13-2-190-202
12. Antonova M., Baranovskaya T., Zakharova A., Li S. Modelling the Linguistic Worldview: Subject Field Scoping Review // Journal of Language and Education. 2022. Vol. 8. No. 3. https://doi.org/10.17323/jle.2022.14433
13. Evans V. Semantic representation in LCCM Theory // New Directions in Cognitive Linguistics / eds. V. Evans, S. Pourcel. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009 (Human Cognitive Processing; № 24). https://doi.org/10.1075/hcp.24.06eva
14. Pager-McClymont K. Constructing Contradictory Forms: Metaphor, Modality, and Pragmatics in Narrative Texts // Language and Literature. 2021. Vol. 30. № 1.
15. Zhu Y. Locality and Globality in Expressing Intentions: A Cross-Genre Study // Erkenntnis. 2023. № 88 (3).

Информация об авторах | Author information

RU

Борисова Людмила Валентиновна[1], д. филол. н., доц.
Губанов Алексей Рафаилович[2], д. филол. н., проф.
Исаев Юрий Николаевич[3], д. филол. н., доц.
[1, 2] Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары
[3] Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары

EN

Lyudmila Valentinovna Borisova[1], Dr
Alexey Rafailovich Gubanov[2], Dr
Yuri Nikolaevich Isaev[3], Dr
[1, 2] Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Cheboksary
[3] Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary

[1] *ljudmila-borisova@yandex.ru,* [2] *alexgubm@gmail.com,* [3] *human2000@yandex.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 20.07.2026; опубликовано online (published online): 14.08.2026.

Ключевые слова (keywords): интерпликатный концепт; финальные концепты; концепт ЦЕЛЬ; концепт УСЛОВИЕ; концепт УСТУПКА; interplicate concept; final concepts; PURPOSE concept; CONDITION concept; CONCESSION concept.